

УДК 340.01

МОНОЛОГИЧНОСТЬ ПРАВОВОГО КОНФЛИКТА КАК ФАКТОР КОНСТРУИРОВАНИЯ ПРАВОВОГО ПРОСТРАНСТВА

И. Б. Ломакина

*Санкт-Петербургский юридический институт (филиал)
Университета прокуратуры Российской Федерации*

Поступила в редакцию 19 февраля 2025 г.

Аннотация: показаны общеполитические проблемы понимания монологической коммуникации как фактора конструирования правового пространства, в котором конфликтность происходит из природы социальных отношений. Утверждается необходимость изучения монологизма и диалогизма в философском и теоретико-правовом измерении. Рассматриваются межкультурные конфликты. Доказывается, что диалог, конструирующий идентичность в рамках одной социальной системы, в потенции расширяет горизонты нормальной коммуникации, включая других (другого) в себя, а также что коммуникация, основанная на взаимном признании и уважении, не может быть абстракцией, иначе она превращается в монолог или в симулякр диалога, за которым может скрываться любое беззаконие, включая массовый геноцид. Монологическое конструирование правового пространства показывает мир через призму тотальности и «одноправдивости».

Ключевые слова: монолог, диалог, юридический конфликт, дискурс, коммуникация.

THE MONOLOGUE OF A LEGAL CONFLICT AS A FACTOR IN THE CONSTRUCTION OF A LEGAL SPACE

I. B. Lomakina

*St.-Petersburg Law Institute (branch) of the University of the Prosecutor's Office
of the Russian Federation*

Abstract: the author of the article shows the general philosophical problems of understanding monological communication as a factor in constructing a legal space in which conflict arises from the nature of social relations. The

© Ломакина И. Б., 2025

necessity of studying monologism and dialogism in the philosophical and theoretical-legal dimension is argued. The article discusses intercivilizational conflicts. The author proves that a dialogue that constructs identity within the framework of one social system potentially expands the horizons of normal communication, including others (the other) in itself. It is proved that communication based on mutual recognition and respect for another cannot be an abstraction, otherwise it turns into a monologue or a simulacrum of dialogue, which can hide any outrage, including mass genocide. The monological construction of the legal space shows the world through the prism of totality and "one-truthfulness".

Key words: monologue, dialogue, legal conflict, discourse, communication.

Монологизм – это не один голос, а один логос...
при любом количестве голосов имеется среди них один,
который втягивает все остальные в свою «логосферу»¹.

Л. А. Гоготишвили

Проблемам диалогизма посвящено достаточно большое количество работ как философской, так и юридической направленности. Совсем наоборот обстоят дела с монологизмом, особенно в части его понимания правоведческим дискурсом. Между тем, как нам представляется, именно монологизм выступает катализатором конфликта, а посему именно теоретической юриспруденции предстоит восполнить существующий пробел.

Рассмотрим философские основы монологизма. М. М. Бахтин в одной из своих многочисленных работ усматривает в монологизме связь с «идеологизмом», утверждая, что последний не терпит рядом с собой правды, отличной от своей². Поэтому монологическую коммуникацию он называет «одноправдивой». Современный исследователь творчества Бахтина Л. А. Гоготишвили продолжает намеченную философом линию рассуждения. «Монологизм», в ее понимании, – «это не один голос, а один логос... при любом количестве голосов имеется среди них один, который втягивает все остальные в свою “логосферу”»³.

«Монологизм» с философской точки зрения, по мнению Бахтина, это идеалистическое мировоззрение. Внешний мир вторичен по отношению к «монологическому» сознанию, так как в замысле последнего мир игра-

¹ Гоготишвили Л. А. Двуголосие в соотношении с монологизмом и полифонией (мягкая и жесткая версии интерпретации идей М. М. Бахтина) // Бахтинский сборник. М., 2004. Вып. 5.

² См.: Бахтин М. М. Проблемы творчества Достоевского // Бахтин М. М. Собр. соч. М., 2000. Т. 2, Записи курса лекций по истории русской литературы, 1922–1927.

³ Гоготишвили Л. А. Указ. соч. С. 338.

ет лишь функцию ценностно нейтрального фона. В «монологическом замысле... построение этого мира – с его точками зрения и завершающими определениями – предполагает устойчивую позицию вовне, устойчивый авторский кругозор... и дано на твердом фоне внешнего мира»⁴.

Бахтинский «твердый мир» – это не «твердость» в буквальном смысле, а продукт активности идеологического сознания, результат его идеалистического «вывода»: «Идеология как вывод, как смысловой итог изображения при монологическом принципе неизбежно превращает изображенный мир в безгласный объект этого вывода»⁵.

Так, по мысли исследователя, «идеологизм», осознав свою укорененность в одном-единственном сознании, становится – «монологизмом». Таким образом, монологизм – это эго-персонализм с идеологическим уклоном, в нем обнаруживает себя монополия на истинное знание. Индивид с помощью «идеологичности» конструирует мир. Поэтому, вопрошая: «Что такое монологизм в высшем смысле?» – М. М. Бахтин отвечает: «Отрицание равноправности сознаний в отношении к истине... Монологизм в пределе отрицает наличие вне себя другого равноправного и ответно-равноправного сознания, другого равноправного “я” (“ты”»⁶. Анализируя данные умозаключения, можно прийти к утверждению, что для такого рода философии, всё другое – это лишь сотворенные сущности, «объекты вывода». Самодостаточность обретается тоталитарностью авторской идеологии, и ей подчиняется весь мыслимый автором мир.

Несомненно, философия (и методология) монологизма включает непростые вопросы, на которые сложно ответить. Так, например, может ли монолог существовать без диалога, каковы механизмы перехода одного в другое и где эти точки пересечения? Не менее важный вопрос: кто может претендовать на монологизм и как долго будет его тотальность распространяться на другого (их)?

Как справедливо полагает И. Л. Честнов, «...человек является самим собой и “другим” – образом обобщенного социально значимого представителя социального (и правового) статуса. Любая социальная интеракция предполагает проекцию образа типичного на конкретного человека (или подведение единичного – этого данного индивида под типичное, включая процесс юридической квалификации). Такого рода типизации лежат в основе категоризации мира и когнитивного (шире – психического) его восприятия. Важно, чтобы имело место партнерское равноправие, выработка совместно признаваемого решения, а не навязывание своей воли

⁴ Бахтин М. М. Указ. соч. С. 50.

⁵ Там же. С. 64.

⁶ Там же. С. 184, 192.

другим»⁷. Таким образом, диалог – это партнерская коммуникация, в которой монолог исключен, но монолог может возникнуть в любой момент, и этот момент не так просто отследить.

Общественные отношения – это отношения, в которых не только «я» и «ты» выступаем («лицом-к-лицу») друг другу, но и отношения статусов (ролей), которые превратили меня и тебя в других, носителей обезличенных статусов. При этом «я» невозможно без «ты», выступающего как сперва значимый другой, а затем – любой другой. Поэтому «я» формируется в диалоге с «ты» как с другим, при этом если «я» и «ты» признаем друг друга и наш союз обеспечивает нам большую безопасность, нежели мы были бы каждый по себе, то «я» и «ты» уже не просто два индивида, а «я» и «ты» это – мы. Наше мы есть результат диалога, в котором может преобладать в большей степени коллективное и в меньшей – индивидуальное.

Эти абстрактные размышления в примитивной форме показывают существование двух противоположных типов коммуникации. Если это утверждение экстраполировать на уровень коллективных объединений, то можно признать, что существуют два типа культур: индивидуалистические (как правило – западные) и холистические (восточные)⁸. Разделение культур на западные и восточные отчасти выглядит схематично и упрощенно, но иные классификации еще хуже, поскольку практически не выявляют сущностные различия в их антрополого-правовом измерении.

Возьмем за рабочую гипотезу идею о существовании двух цивилизационных векторов развития. Один являет западный вектор, второй – восточный. Рассмотрим позиции ведущих социологов на проблему коммуникации между ними, предварительно обозначив проблему того, что не каждая коммуникация есть диалог и не каждый диалог бывает между равнодостоинными и равноправными коммуникантами. При этом, как мы писали ранее в одной из своих работ, не противопоставляя Запад и Восток, не вынося оценок о дальнейших перспективах их развития, всё же в экзистенциальном отношении западный и восточный вектор не тождественны. В то же время они предлагают друг другу альтернативные глобальные проекты, порой используя в коммуникативных практиках не только диалог, но и монолог с применением силового ресурса (крестовые походы, опиумные войны, колонизация Индии, Америки, Австралии и Африки). Конечно, нельзя сводить всемирную историю только к череде бесконечных войн и конфликтов, но и иллюзии по поводу «прекрасного

⁷ Честнов И. Л. Право как диалог: к формированию новой онтологии правовой реальности. СПб., 2000. С. 28.

⁸ См.: Ломакина И. Б. Ориенталистская традиция понимания восточной государственности // Криминалист. 2024. № 1.

и мирного сосуществования» питать тоже вряд ли стоит. Поэтому проблема диалогизма и монологизма в социальной жизни в целом и в праве в частности, как нормативном порядке ее выражения, требует нового осмысления существования и взаимодействия цивилизаций⁹.

Весьма любопытно взглянуть на процесс складывания миропорядка глазами его создателей и идейных вдохновителей, речь идет о Новом времени. Времени, когда политическая карта мира изобиловала новыми (вновь открытыми) материками и континентами. Времени, когда диалог и монолог переплетались между собой, являя миру уникальные политические и культурные формы человеческого бытия. И в связи с этим небезынтересны мысли «социальных архитекторов», конструирующих этот новый мир. Особенно это интересно потому, что они свои мысли еще не табуировали политкорректными фразами, а показывали процесс так, как он есть на самом деле.

Так, например, Адам Фергюсон, представитель шотландского Просвещения, в книге «Опыт истории гражданского общества» (1767) весьма искренне писал, что человеческие группы не существуют сами по себе, они всегда существуют в соотношении с другими эквивалентными человеческими группами. Эти группы организуются одни против других. «Понятия “сограждане”, “земляки”, не будучи противопоставлены понятиям “чужаки”, “иноземцы”... вышли бы из употребления и утратили всякий смысл. Отдельных людей мы любим за их личные качества; страну же нашу мы любим, так как она составляющая часть человечества...»¹⁰.

В целом, соглашаясь с идейной позицией Фергюсона, современный французский историк и социолог Эммануэль Тодд прозорливо замечает, что «появление Франции и Англии является великолепной иллюстрацией данного явления. В Средние века каждое из этих двух государственных образований определится одно против другого»¹¹.

Возвращаясь к гуманистическому наследию Фергюсона, Э. Тодд сочувственно заключает, что, несмотря на весь либеральный флер, всё же внутренняя мораль определенного общества связана с его безнравственностью во внешних делах. Именно враждебность к другой группе заставляет одних быть солидарными со своей собственной группой. И далее он пишет, что «без соперничества наций и военных упражнений, гражданское общество едва ли оформилось, обрело цель существования.

⁹ См.: Ломакина И. Б. Традиции и инновации в контексте существования цивилизаций восточного и западного типа // Изменения в праве: новаторство и преемственность : монография / авт. колл. ; под общ. ред. Д. Е. Мерешкина, С. Л. Сергеевнина, Н. В. Разуваева. СПб., 2022.

¹⁰ Фергюсон А. Опыт истории гражданского общества. М., 2000. С. 57–58.

¹¹ Тодд Э. Поражение Запада. М., 2024. С. 30.

...тщетно было бы надеяться, что мы сможем внести в народ в массе чувство единения, не подтвердив враждебности к оппонентам. Если бы мы могли взять и истребить в какой-либо нации чувство неприязни к иноземцам, тем самым мы, вероятно, разорвали или ослабили бы спланивающие ее внутренние узы и вычеркнули бы из национальной истории самые бурные массовые сцены и излияния чувств»¹².

Вместе с тем, несмотря на противоречия, о которых писали Фергюсон и Тодд, несмотря на кровопролитные войны и династические заговоры, борьбу между католиками и протестантами с кровавой Варфоломеевской ночью, нет оснований полагать, что в рамках европейского социокультурного контекста не существовало диалога. Диалог между варварскими королями и католическим престолом был всегда, а конструируемая средневековыми схоластами картина мира находила отклик в сердце каждого, кто мыслил себя европейцем. Поэтому, как отмечает Ивэр Нойманн в блестящей работе по социологии международных отношений «Использование Другого: Образы Востока в формировании европейских идентичностей», сам термин Европа возникает в результате вражды воинов папы Римского с иноверцами «маврами» и «сарацинами»¹³.

Поэтому, несмотря на существующие противоречия, европейский мир вмещал в себя единое ценностное ядро. Поэтому Эдмунд Бёрк, разрабатывая концепцию единой Европы, прозорливо восклицает, что европейцев объединяет единая культура, в основе которой лежит монархическое правление, христианская религия, наследие римского права и древние германские обычаи, а также феодальные институты¹⁴.

На наш взгляд, именно католическая религия и римское право сыграли существенную роль в формировании европейского мировоззрения. Поэтому универалистская идея о фундаментальном единстве всего человечества и искоренении ересей послужила основанием для европейского мессианства. Средневековые схоласты лишь закрепили этот принцип, конкретизируя его в правомочиях папы Римского. Отсюда легальное насилие по отношению к неверным. Монолог должен был привести к диалогу.

Однако диалог, рожденный из монолога, не предполагал абсолютного приятия другого и напоминал скорее неравный брак, где одному можно всё, а другому кое-что... Несмотря на явный перекося в коммуникации, всё же это был диалог. Позже появится юридическая конструкция «равные, но раздельные», и вряд ли поспоришь, что эта конструкция имеет

¹² См.: Тодд Э. Указ. соч.

¹³ См.: Нойманн И. Использование Другого: образы Востока в формировании европейских идентичностей. М., 2004. С. 74.

¹⁴ См.: Белов М. В., Витальева А. И. Эдмунд Бёрк – ранний идеолог британской империи // Диалог со временем. 2011. Вып. 34.

правовую природу. Хотя как знать? Ведь угол зрения, официальная номинация (означивание) и конвенция тоже имеют значение.

Таким образом, диалог не всегда предполагает равные правомочия и формальное равенство, но он точно невозможен, если нет точек культурного притяжения, нет признания в другом того же, что есть у меня, даже с некоторыми допущениями того, что, может быть, он более дурен собой и совсем не воспитан.

Жесткие социальные структуры, такие как церковь, государство, формируют и жесткую привязку к правовому статусу. Поэтому, как отмечает И. Нойманн, «...вопрос, мучивший европейцев на протяжении долгого времени, состоял в том, обладают ли неверные вообще какими-либо правами на владения или завоевание этих земель было прямой обязанностью христиан. И если при Августине (354–430) разрешение этой дилеммы клонилось к исключительности и выражалось в папском одобрении священных войн, целью которых было завоевание неверных, то при папе Иннокентии IV (1243–1254) знатоки канонического права пришли к компромиссу, заключив, что по отношению к неверным силу можно применять лишь для воздаяния за нанесенные христианам обиды, а обращение в христианство должно достигаться мирным путем, посредством миссионерской деятельности»¹⁵.

Налицо – монолог по отношению к другому, иному, врагу. А что же внутри себя, всегда ли царил диалог? Конечно, нет! Нарастание политических разногласий внутри христианского мира, вызванных бурным экономическим и политическим развитием городов, секуляризацией власти, не привело к нивелированию статуса «исламского другого». Монологическое конструирование «другого» еще более демонизируется и манифестируется как воплощение зла. Как в свое время еретики мыслились Августином «хуже отравителей», так и сейчас монолог формировал образ врага, что в свою очередь продолжало служить объединяющим фактором в полном распрей христианском мире XIV–XV вв.

Как отмечает И. Нойманн, «с образованием в начале XIV века Османской империи и постепенным нарастанием ее военного давления на христианство на смену “сарацину” пришел другой антихрист “турок-осман”». Как полагает И. Нойманн, именно «“турок-осман” внес вклад в образование современной системы европейских государств. Даже после Вестфальского мира и распространения секулярной доктрины государства представления о том, что отношения между суверенами относятся к сфере религиозного, еще не окончательно ушли в прошлое. Европа оставалась христианской по своему характеру и с этой точки зрения противо-

¹⁵ Нойманн И. Указ. соч. С. 76.

поставлялась исламу Османской империи, владениям Великого Могола, индуизму, а также конфуцианской традиции императорского Китая»¹⁶.

Известно, что в конце XVII в. английский общественный деятель Уильям Пенн, пацифист и лидер квакеров, в своих многочисленных произведениях религиозной, философской и политической направленности сформулировал принципы единого европейского сообщества, объединенного общей христианской моралью. Наиболее отчетливо эти идеи нашли выражение в работе «Европейская конференция, парламент или сословия» (1693). Именно здесь он предлагает отказаться народам, исповедующим ислам, от своей религии и приобщиться к единому цивилизованному миру. Известно, что Уильям Пенн искал встречи с Петром I с целью убеждения последнего принять квакерство и стать величайшим христианским монархом. Встреча не состоялась, но письмо всё же им было передано.

Таким образом, очевидна одна существенная деталь, характеризующая европейскую коммуникацию, – это её монологичность. «Предварительные требования» – вот основа созидания. Эта конструкция, пройдя через века, отчетливо проявляется сегодня. Поэтому международное право с европоцентристских позиций – изобретение европейцев. Его принципы конструируют внутреннее пространство. Здесь идея взаимного признания и равнодостоинства проявляется наиболее отчетливо, хотя дискриминируемое население еще долгое время было вне права. Монолог к другим культурам всё сильнее и отчетливее проявлялся в том случае, если нужны были источники сырья и рынки сбыта.

Государства, находящиеся «вне европейской цивилизации, должны формально войти в круг государств, чье поведение определяется правом. Они должны совершить некий шаг, с согласия последних или некоторых из них, который равнялся бы принятию этого права во всей его целостности и исключал бы любую возможность недопонимания»¹⁷. Поэтому соответствовать стандарту цивилизованности должны были те, кто включался в диалог. Отсюда черты, объединявшие страны цивилизованного мира, стали очевидными лишь в противопоставлении его нецивилизованным «варварским» и «диким» мирам. «Обычаев – никаких, нравы – скотские!» – любили говорить испанские миссионеры в отношении индейских племен. Монологичность коммуникации не предполагала ни взаимного признания, ни равнодостоинства, и даже насильственная христианизация не предполагала включения коренного населения в правовое поле в полном объеме.

¹⁶ Нойманн И. Указ. соч. С. 77.

¹⁷ Там же. С. 91.

Парадоксально, но факт, что лучше всех показал межкультурный монолог теоретик естественного права Джеймс Лоример. Солидаризируясь с расовым антропологизмом Ж. Гобино, Лоример писал о четырех различиях между цивилизованной и варварской частями человечества. Из этих различий проистекал правовой статус. «Полного политического признания удостоивались все современные европейские государства, колонии, где имелись европейские поселенцы, и бывшие европейские колонии. Но Турции, Персии, Китаю, Сиаму и Японии даровалось лишь частичное политическое признание – а значит, только ограниченное членство в «семье наций». «В случае турок, – указывал Лоример, – мы имеем горький опыт последствий предоставления прав цивилизации варварам, которые показали неспособность исполнять свои обязанности и которые, быть может, не относятся даже к передовым расам человечества»¹⁸.

Таким образом, «стандарты» цивилизованности – это итог монологизма. И по мере того, как европейские другие (например, турки) постепенно включались в европейское культурное пространство и, особенно после вступления Турции в НАТО, основным «другим» по отношению к европейской идентичности стал Советский Союз. Сегодня Советский Союз, как Вавилон для Рима, канул в Лету, но многие его достижения благодаря диалогу между цивилизациями остались.

Итак, сказанное подтверждает теорию Р. Дарендорфа и Р. Коллинза о том, что конфликты всегда имманентны социальной системе¹⁹, а посему их окончательно разрешить невозможно²⁰. Вместе с тем, диалог, конструирующий идентичность в рамках одной социальной системы, в потенции расширяет горизонты нормальной коммуникации, включая других, другого в себя. Коммуникация, основанная на взаимном признании и уважении другого, не может быть абстракцией, иначе она превращается в монолог или в симулякр диалога, за которым может укрываться любое беззаконие, включая массовый геноцид. Конечно, сегодня наша цивилизация далека от идеалистических представлений И. Канта о «вечном мире», но есть надежда на то, что диалог – лучший помощник в преодолении монологизма. Монологическое же конструирование правового пространства показывает мир через призму тотальности и одноправдивости. Ориенталистская традиция – яркое тому подтверждение²¹.

¹⁸ Цит. по: Нойманн И. Указ. соч. С. 90.

¹⁹ См.: Collins R. Conflict sociology: toward an explanatory science. N.Y., 1975. P. 58.

²⁰ См.: Дарендорф Р. Элементы теории социального конфликта // Западная социология: современные парадигмы : антология / сост. Г. Н. Соколова, Л. Г. Титаренко. Минск : Белорусская наука, 2015. С. 180.

²¹ См.: Ломакина И. Б. Ориенталистская традиция понимания восточной государственности. С. 141–147.

Библиографический список

Бахтин М. М. Проблемы творчества Достоевского / М. М. Бахтин // *Бахтин М. М. Собр. соч.* – М. : Русские словари, 2000. – Т. 2, Записи курса лекций по истории русской литературы, 1922–1927. – С. 57–65.

Белов М. В. Эдмунд Бёрк – ранний идеолог британской империи / М. В. Белов, А. И. Витальева // *Диалог со временем.* – 2011. – Вып. 34. – С. 74–99.

Гоготишвили Л. А. Двуголосие в соотношении с монологизмом и полифонией (мягкая и жесткая версии интерпретации идей М. М. Бахтина) / Л. А. Гоготишвили // *Бахтинский сборник.* – М. : Языки славянских культур, 2004. – Вып. 5. – С. 338–410.

Дарендорф Р. Элементы теории социального конфликта / Р. Дарендорф // *Западная социология: современные парадигмы : антология* / сост. Г. Н. Соколова, Л. Г. Титаренко. – Минск : Белорусская наука, 2015. – С. 174–182.

Ломакина И. Б. Ориенталистская традиция понимания восточной государственности / И. Б. Ломакина // *Криминалист.* – 2024. – № 1. – С. 141–147.

Ломакина И. Б. Традиции и инновации в контексте существования цивилизаций восточного и западного типа / И. Б. Ломакина // *Изменения в праве: новаторство и преемственность : монография* / авт. колл. ; под общ. ред. Д. Е. Мерешкина, С. Л. Сергеевнина, Н. В. Разуваева. – СПб. : ИПЦ СЗИУ РАНХиГС, 2022. – С. 50–71.

Нойманн И. Использование Другого: образы Востока в формировании европейских идентичностей / И. Нойманн. – М. : Новое издательство, 2004. – 336 с.

Тодд Э. Поражение Запада / Э. Тодд. – М. : Издательство АСТ, 2024. – 320 с.

Фергюсон А. Опыт истории гражданского общества / А. Фергюсон. – М. : РОССПЭН, 2000. – 389 с.

Честнов И. Л. Право как диалог: к формированию новой онтологии правовой реальности / И. Л. Честнов. – СПб. : Изд-во Санкт-Петерб. юрид. ин-та Генеральной прокуратуры РФ, 2000. – 104 с.

Collins R. Conflict sociology: toward an explanatory science / R. Collins. – N.Y. : Academic Press, 1975. – 584 p.

References

Bakhtin M. M. Problems of Dostoevsky's Work / M. M. Bakhtin // *Bakhtin M. M. Collected Works.* – Moscow : Russian Dictionaries, 2000. – Vol. 2, Notes on the Lecture Course on the History of Russian Literature, 1922–1927. – Pp. 57–65.

Belov M. V. Edmund Burke – an Early Ideologist of the British Empire / M. V. Belov, A. I. Vitaleva // *Dialogue with Time.* – 2011. – Iss. 34. – Pp. 74–99.

Chestnov I. L. Law as Dialogue: Towards the Formation of a New Ontology of Legal Reality / I. L. Chestnov. – St. Petersburg : St. Petersburg Publishing House. Legal Institute of the Prosecutor General's Office of the Russian Federation, 2000. – 104 p.

Collins R. Conflict sociology: toward an explanatory science / R. Collins. – N.Y. : Academic Press, 1975. – 584 p. [In Engl.]

Dahrendorf R. Elements of the Theory of Social Conflict / R. Dahrendorf // *Western Sociology: Modern Paradigms : anthology* / compiled by G. N. Sokolova, L. G. Titarenko. – Minsk : Belarusian Science, 2015. – Pp. 174–182.

Ferguson A. Experience of the History of Civil Society / A. Ferguson. – Moscow : ROSSPEN, 2000. – 389 p.

Gogotishvili L. A. Two-voice in relation to monologism and polyphony (soft and hard versions of the interpretation of M. M. Bakhtin's ideas) / L. A. Gogotishvili // Bakhtin Collection. – Moscow : Yazyky slavyanskikh kultur, 2004. – Iss. 5. – Pp. 338–410.

Lomakina I. B. Orientalist Tradition of Understanding Eastern Statehood / I. B. Lomakina // Criminalist. – 2024. – No. 1. – Pp. 141–147.

Lomakina I. B. Traditions and Innovations in the Context of the Existence of Eastern and Western Civilizations / I. B. Lomakina // Changes in Law: Innovation and Continuity : monograph / author's coll. ; under the general ed. D. E. Mereshkina, S. L. Sergevnina, N. V. Razuvaeva. – St. Petersburg : IPC SZIU RANEPa, 2022. – Pp. 50–71.

Neumann I. Using the Other: Images of the East in the Formation of European Identities / I. Neumann. – Moscow : Novoye Izdatel'stvo, 2004. – 336 p.

Todd E. The Defeat of the West / E. Todd. – Moscow : AST Publishing House, 2024. – 320 p.

Для цитирования:

Ломакина И. Б. Монологичность правового конфликта как фактор конструирования правового пространства // Журнал юридической антропологии и конфликтологии. 2025. № 2(11). С. 33–43.

Recommended citation:

Lomakina I. B. The monologue of a legal conflict as a factor in the construction of a legal space // Journal of Legal Anthropology and Conflictology. 2025. No. 2(11). Pp. 33–43.

Сведения об авторе

Ломакина Ирина Борисовна – профессор кафедры теории и истории государства и права Санкт-Петербургского юридического института (филиала) Университета прокуратуры Российской Федерации, доктор юридических наук, профессор

E-mail: lomakina7311@gmail.com

Information about author

Lomakina Irina Borisovna – Professor of the Department of Theory and History of State and Law of St. Petersburg Law Institute (branch) of the University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation, Doctor of Law, Professor

E-mail: lomakina7311@gmail.com